

18+

*Большая Книга
Неваляных Воспоминаний*

Дарья Ефимова

Дарья Ефимова

**Большая книга
невольных воспоминаний**

«Издательские решения»

Ефимова Д.

Большая книга невольных воспоминаний / Д. Ефимова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-647638-7

Коллекция из 15 невольных воспоминаний и иллюстраций к ним в авторской технике коллажа. 15 субъективных пересказов реальных и выдуманных событий в преломлении памяти, составляющие фиктивную биографию и имеющие целью воссоздать ощущения, вызываемые трепетно подобранными ингредиентами из искусства, музыки, географии и погодных явлений.

ISBN 978-5-00-647638-7

© Ефимова Д.
© Издательские решения

Содержание

ЧТО ТАКОЕ НЕВОЛЬНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ?	6
ОЛЕ ЛУКОЙЕ	8
ранние 1990-е, а также декабрь 2009	8
СИТЦЕВЫЕ ЗАНАВЕСКИ УЭЛЬСА	12
середина 1990-х, а также февраль 2012	12
ШЕРБУРСКИЕ ЗОНТИКИ	15
середина 1990-х	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Большая книга невольных воспоминаний

Дарья Ефимова

Фотограф Екатерина Мальковская

Фотограф Мария Маринина

© Дарья Ефимова, 2024

© Екатерина Мальковская, фотографии, 2024

© Мария Маринина, фотографии, 2024

ISBN 978-5-0064-7638-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧТО ТАКОЕ НЕВОЛЬНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ?

Просто глядя в окно пасмурным утром, я могу оказаться в Париже, Праге, Бристоле или Суонси. То, в какой именно город я попаду, определяют многочисленные сопутствующие обстоятельства: конец ли сейчас апреля или середина февраля, идет ли дождь или только собирается, и отражаются ли рваные облака в застоявшихся лужах.

Каждая секунда, проведенная мной у окна пасмурным утром, дробится на ощущения, испытанные мной где-то, когда-то – пусть даже я не бывала в этих городах и никак не могла оказаться в тех эпохах. Внезапно мне может быть двадцать пять, семнадцать, двадцать один, четыре, двадцать два или восемь. Я могу даже перенестись во время, когда у меня еще не было возраста. Это – сила невольных воспоминаний.

Когда я говорю, что наша гостиная пахла предвкушением встречи с моими друзьями летним вечером, а моя спальня – поэзией, которую никто, кроме меня, не понимал, я говорю о запахах времени. У каждого времени (время – исчисляемое) есть свой запах, почти гастрономический вкус, который не поддается описанию, как бы я ни пыталась. Но я могу попытаться описать ощущение, им вызываемое. Чтобы ухватить его за хвост, мне нужно быть проворной, потому что эти ощущения – самые эфемерные. Они являются всего на несколько мгновений, хоть послевкусие от них и длится немного дольше. Ощущение – единица моих воспоминаний.

Это – серия дистиллированных ощущений, каждое из которых вызревало не один год. Они, еще не упорядоченные, не давали мне покоя, в минуты своего разгула заслоняя собой все, что происходило в настоящий момент. У меня ушло так много времени, чтобы раскусить не только эти ощущения, но и само явление невольных воспоминаний. Каждое из них – как загадка, которую я пыталась разгадать, нанизывая на нитку все больше и больше вызывающих их ассоциаций.

Эта декоративная меморабилия – не больше, чем причуда, но каким-то образом она сумела определить все, что я делала или пыталась делать когда-либо. Эти воспоминания – главные темы моего вдохновения. Они – карта, на которой помечены все места, в которые меня заводило мое любопытство. Как архетипы, они лежат в основе всего. Они соединяют меня с кристальными, незамутненными чувствами, свойственными только глубокому детству или периодам захватывающих личных переживаний.

Но они не есть точный пересказ моей жизни. Невольные воспоминания берут действительность за отправную точку и на ее основе разворачивают свой ассоциативный парад. В этом параде главная роль отводится моему воображению, а не подлинным событиям. Поэтому нет ничего удивительного в том, что поздним летом 2006-го года я путешествовала по Дорсету 1820-ых, а зиму 2008-го провела в Петрограде.

Мои невольные воспоминания лишены ностальгии, а значит и сентиментальности. Я не сразу пришла к этому, и поначалу еще так часто срывалась на вульгарный мотив желания вернуть то, что вернуть нельзя. Но я не хочу ничего возвращать – так или иначе, каждое из этих воспоминаний уже стало моей частью. Это моя субъективная хроника на обороте фантика; это мое знакомство с самой собой.

Невольные воспоминания не могут родиться из вчерашнего дня. Они рождаются из расстояния, что лежит между прошлым и настоящим, которое и создает перспективу, необходимую для самого определения прошлого. Это поистине поиск утраченного времени, и не поверхностным будет тот, кто вспомнит здесь Пруста. Этот поиск из тех, что могут стать целью жизни, затмить собой все остальное и превратиться в интимное путешествие к основам собственной личности. Путешествие за объяснением, медитацией, вдохновением, которое вырастает из торжества обыденности. Это магия, созданная ничем иным, как обыденностью.

Невольные воспоминания методично создаются рутиной, характеризующей какое-то продолжительное единообразное время. Эта рутина и формирует неповторимый отпечаток отрезка прошлого. Отпечаток времени, навсегда оставшийся в памяти, но скрытый до поры, пока его не обнаружит случайная встреча с запахом старой помады или мыла в сувенирном магазине в Порту, игра солнечного света на побережье или необъяснимо загадочная фотография французского композитора.

Ключи к напомниманиям все лежат в природе или искусстве. Некоторые из напомниманий самые что ни на есть оригинальные, являющиеся естественной частью пережитого мной в прошлом. Другие же были добавлены к ним позже, выбранные мной за их созвучие и сравнимую силу переносить меня в те же воспоминания, хоть они изначально и были чужды им. Азарт в том, чтобы обнаружить как можно большее их количество, собрать все возможные ассоциации-ингредиенты, чтобы научиться вызывать невольные воспоминания по собственной воле.

После многих лет практики я действительно научилась вызывать их сама. Я всегда начеку, и потому могу перетекать из одного воспоминания в другое, стоит только измениться оттенку сумерек, или даже без всяких подсказок.

Теперь же я инсценирую свои невольные воспоминания. Я взялась окончательно приручить их единственным известным мне способом – с помощью бумаги.

Иллюстрации необходимы этим воспоминаниям так же, как текст. Это то, что рисуется мне, куда меня уносит на доли секунды под действием перечисленных мной напомниманий. Иногда они только визуально повторяют или суммируют сказанное, иногда – и чаще всего – они говорят то, что в словах выразимо слабо, и потому я предпочла оставить невысказанную, но важную часть воспоминающегося мне для изображения в коллаже.

Для коллажей я выбрала мало используемую сейчас форму – то ли диорамы, то ли маленького бумажного театра. Будем считать, что это мои шкатулки с сувенирами, по которым можно скользить как взглядом, так и памятью. Каждая из них заточает в себе копившиеся годами ощущения, ассоциации и видения. Я прорезала окно, чтобы их наконец можно было разглядеть не только мне.

август, 2020

ОЛЕ ЛУКОЙЕ

ранние 1990-е, а также декабрь 2009

Напоминания:

«Декоративная музыка» Эрика Сати, его Gnossiennes, Gymnopédies и Sarabande
The Deadfly Ensemble – *An Entire Wardrobe of Doubt and Uncertainty* (2006); *A Seed Catalog for Extinct Annuals* (2008)
Cinema Strange – *Cinema Strange* (2001)
Э. Т. А. Гофман, *Щелкунчик и Мышиный король*
Викторианские города на картинах Джона Аткинсона Гримшоу
Декорации к фильмам Жоржа Мельеса
Jack and Amanda Palmer – видео к *Wynken, Blynken & Nod*
Оптические игрушки: калейдоскоп, хромотроп, стереоскоп, зоотроп, праксиноскоп, фенакистоскоп, волшебный фонарь
Бумажные театры
Всемирная выставка 1851 года
Старые оранжереи
Дагерротипы
Фотографии Джулии Маргарет Кэмерон
Фотографии Чарльза Доджсона (Льюиса Кэрлла)
Знаменитая фотография Эрика Сати с засвеченными очками
Персона графини Кастильоне
«Гильдия похоронных скрипачей» и прочие мистификации Роана Кривачека
Фил Бейкер, *Абсент* (2008)
Иллюстрации Эдварда Гори

Оттенки первых цветных фотографий по технологии автохром
братьев Люмьер
Слово «марципан»
Кабинеты моей музыкальной школы и их паркет
Ряды старых библиотечных стеллажей
Момент, когда в зале театра гаснет свет
Невидимые шаги полночи в новогоднюю ночь

Оле Лукойе, или викторианская фантасмагория – колыбель моего воображения, источник моих самых ранних, почти пренатальных воспоминаний, которым не могу противопоставить реальные события. Они могут быть объяснены только густотой детских снов и рожденным ими разноцветием.

Я вижу освещенную тусклой лампой бесконечную комнату, в которой нет даже силуэтов мебели, но есть возвышающееся до потолка пианино, за которым мог бы играть Эрик Сати. Этот верхний свет наверняка исходит из невидимой в этом ракурсе люстры. Люстра, люмьер, как нельзя лучше подходит этому набору для самодельных фокусов-покусов.

Я вижу детский кукольный театр в нашей городской библиотеке. Этот театр – весь светло-зеленый, его холодный оттенок, замешанный на титановых белилах. По воле моей тягучей памяти он может принять и оттенок парижского зеленого, также известного как зелень Шееле, которая, расцветая на обоях в викторианских гостиных, повлекла за собой череду таинственных отравлений.

Для меня эти вертепные оттенки зеленого до сих пор обозначают фантазии, которые заполняют задрапированные от пола до потолка комнаты в межвременье между сном и пробуждением, когда напрочь забываешь, кто ты и где находишься. Ты не взрослый, ты не ребенок, ты – зритель, один в полном зале таких же, как ты. Ты никогда не узнаешь, что за представление давали тогда в кукольном театре, поэтому вообразить можно все, что угодно. Этого-то от тебя и ждут, чтобы наполнить спектакль твоей выдумкой.

Эта выдумка может найти себе место под японским бумажным зонтом Оле Лукойе, под которым янтарно-желтым, изумрудно-зеленым, рубиново-красным переливаются невероятные оптические иллюзии, изобретенные в позапрошлом веке. Фантомы камеры-обскуры, калейдоскопов, городских панорам, телескопических картинок, стереоскопов и, наконец, диорам создали свою версию реальности с ее новыми грандиозными достопримечательностями.

Блики Хрустального Дворца в Кенсингтонском саду легли на обыденность и превратили ее в одно большое зрелище. Я поселилась там, под сводами Хрустального Дворца, собравшего самые диковинные и немыслимые товары со всего света. Дворец распахивает свои стеклянные двери в сады удовольствий, где журчит вода и шелестят платья, как те, что носила несчастная невеста Урзусарктоса-холостяка. Я вижу выкрашенные кабинки для джентльменов и их дам, еще не знавших фотографии, потому что она только зарождается в оранжерее миссис Джулии Маргарет Кэмерон, и Димбола было название этому месту.

Я увидела, и зрение стало моим первым проводником. Но то, что я увидела, навсегда заволокло привычный мир. Как желание, прикрывающееся сказкой, в этом иллюзорном мире все не то, чем кажется. Зрелища предлагают надежный способ уйти от реальности, лишь отразив ее с искажениями, причитающимся всем преломлениям света – иллюзии тем удивительнее, что родились из научнейших экспериментов. Тени, отражения, неправильная перспектива – круговерть, пестрость, безобидный обман, как сама память.

Здесь силой воображения можно вызвать не только Мышиную Королеву, но и заставить один год сменять другой, посуду – затанцевать, животных – заговорить, а целые города – завертеться на шарнирах.

Это застывшее время может идти только вглубь, а не вперед, зарываться еще глубже в густую темноту детских снов, в старое кружево, в тени между тяжелыми занавесками. Оно принадлежит девятнадцатому веку, но не приспособлено для календарей. Вместе с этим замершим временем замирают люди-дети, люди с раскрытыми от удивления ртами. Это детство самой современной цивилизации, потому все в моих видениях упирается в потолок – будь то пианино или новогодняя елка.

Время механических чудес, прекрасно объясняемых учеными, но оттого не менее поразительных. Время сна, время сомкнутых золотым песком Оле Лукойе глаз.

СИТЦЕВЫЕ ЗАНАВЕСКИ УЭЛЬСА

середина 1990-х, а также февраль 2012

Напоминания:

Хромофотографии с видами Корнуолла, Девона и Уэльса начала
двадцатого века
Стихи и проза Дилана Томаса – *Love In The Asylum, In My Craft Or
Sullen Art..., Fern Hill, Quite Early One Morning, Laugharne, A Child's
Christmas In Wales, The Crumbs of One Man's Year, Under Milk Wood*
Запретная любовь (Джон Мэйбери, 2008) и музыка к фильму
Анджело Бадаламенти
Ундина (Нил Джордан, 2009)
Дамы в лиловом (Чарльз Дэнс, 2004)
Sigur Rós – музыка, видео к *Varúð*, документальный фильм *Heima*
Jónsi & Alex – альбомы *Riceboy Sleeps; Rain Down My Favourite
Songs*; книга *Riceboy Sleeps Picture Book*
Rag Foundation – *Mynd i Rymni*
Fern Hill – *Dawns O Gwmpas; Llatai; Fi Wela*
Karen Dalton – *Katie Cruel*
Офорты Нормана Экройда
Книжные иллюстрации Йона Бауэра
Фотоиллюстрации к *Across Iceland*, W. Bisiker, 1902
Фотографии Полесья 1930-х
Британское побережье зимой
Интерьеры коттеджа Furlongs в Сассексе, где жила художница
Пегги Энгус
Ландшафты Исландии и Новой Шотландии
Фотографии Туве Янссон у ее дома на острове Хару в Финляндии
Ароматическое масло черной смородины
Растворимый кофе тусклым зимним утром
Запах мокрой древесины
Щепки на снегу

Мое детство прошло на берегу моря, которого никогда не было.

Моя любовь к морю началась с лужицы талого снега у желтой деревенской калитки. Ручьи этого талого снега впадают в устье моря, омывающего полуостров Гоуэр, омывающего мой дом на улице Кирова. Небо низко, и даже сам воздух серый, но солнце проглядывает сквозь рваные облака и бликует в талой воде.

Морем мне служит заснеженное поле, испещренное бороздами. Вместо чаек над ним летают вороны. Вместо ракушек я собираю намокшие щепки. Для навигации я беру не компас, а старую палку для подвязывания помидоров в теплице. У меня нет лодки, но будь она у меня, она была бы из дерева с облупившейся голубой краской.

Я думала, что выросла в девяностых, но на проверку девяностые оказались сороковыми. Я узнала это по растянутым синим свитерам, по резиновым сапогам, в которых выходят за дровами, по занавескам из белого тюля, по эмалированной посуде с черными выбоинами, по жестяным банкам для кофе и сахара.

Мне бы узнать прогноз погоды для отправляющихся в открытое море, какие обычно передают по радио на Британских островах, но в моем распоряжении есть только Дилан Томас. Он может предсказать погоду лишь на вчера, и каждый раз его прогнозы повторяются вплоть до буквы: «...the sea was lying down still and green as grass after a night of tar-black howling and rolling.»

Мне нравится мой день рождения тем, что назавтра февраль. Этот месяц уносит меня ручьями к валлийскому побережью. Я стекаю по морскому дну, оголенному отливом, по направлению к всегда туманным крейсерам на горизонте. Февраль – это прибрежные коттеджи Суонси, Фишгарда и Ньюки с розовыми и голубыми фасадами, со стылыми комнатами, из окон которых виден мол.

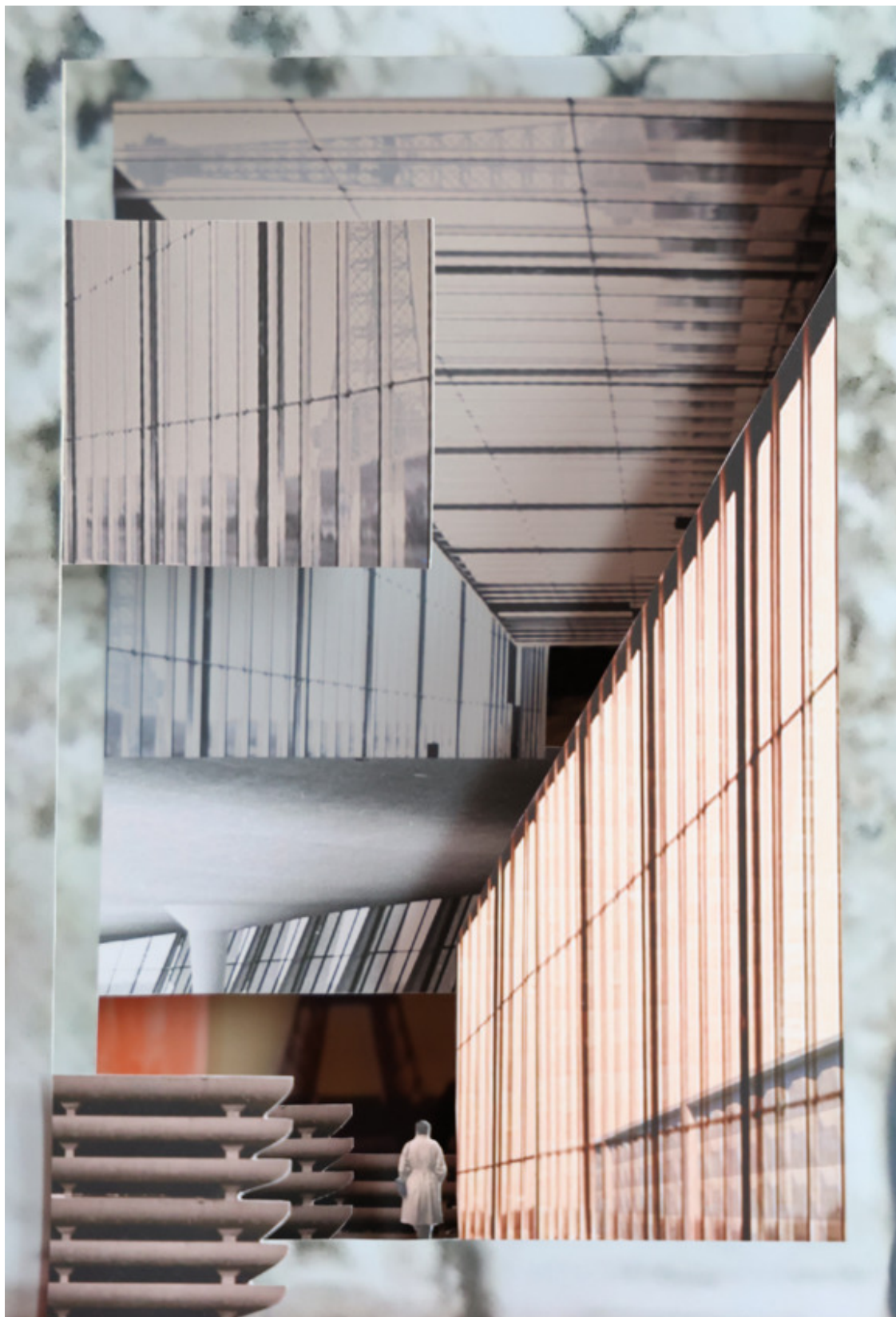
Но, кажется, начинается прилив. Пора домой. Я прошлепаю в своих желтых резиновых сапогах по самой кромке зимы и занесу в свой бортовой журнал:

«Дневник погоды, 21 февраля 1996 года. Среднесуточная температура -2° С. После относительно теплой ночи наблюдался легкий туман. Днем облачно. Осадков не прогнозировалось, но ближе к вечеру начался мокрый снег. Небольшой гололед. Ветер северо-восточный, умеренный. Восход солнца: 07:19; заход солнца: 17:40. Световой день +3 минуты. Астрономические сумерки: 05:27. Морские сумерки: 06:06. Фаза луны: растущая, первая четверть.»

Тетради, в которых я веду свои записи, все выглядят, как бортовые журналы.

ШЕРБУРСКИЕ ЗОНТИКИ

середина 1990-х

Напоминания:

Неожиданно холодный дождливый летний день
Отражение фар на мокром асфальте в сумерках, до того, как
зажгутся фонари
Постер к «Эммануэль» с Сильвией Кристиэль в плетеном кресле
Елена Сафонова в *Зимней вишне* (Игорь Масленников, 1985)
и *Когда становятся взрослыми* (Сергей Ашкенази, 1985)
Андрей Петров – *Осень* (из фильма «Служебный роман»)
Marie Laforêt – *Manchester Et Liverpool*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.